

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

А. Л. Грюнберг

**ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОЧНОМУ ГИНДУКУШУ
(1963—1968)**

ОТ РЕДАКЦИИ

Напечатанные ниже извлечения из записей в путевом дневнике представлены для опубликования в нашем сборнике А. Л. Грюнбергом по просьбе редакции. А. Л. Грюнберг выступал с обстоятельной информацией о своих путешествиях по Восточному Гиндукушу, совершенных в 1963—1968 гг., на заседании Восточной комиссии 3 апреля 1968 г. [2, с. 11].

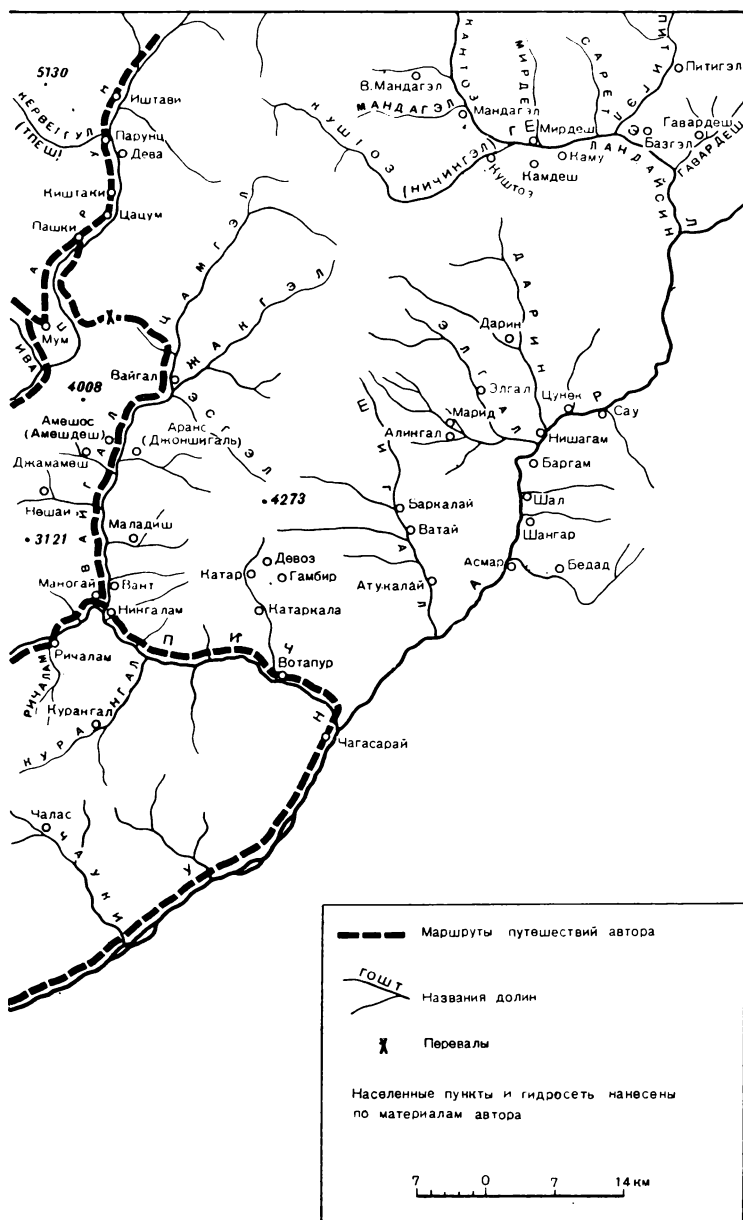
В настоящем сборнике приводятся извлечения из дневника А. Л. Грюнберга, который он вел в октябре 1963 г., работая переводчиком и техником в составе группы советских геологов, обследовавшей труднодоступный Центральный Нуристан в горах Восточного Гиндукуша в Афганистане. Вследствие особенностей своей истории Нуристан представляет собой как бы естественный заповедник, изучение которого сулит еще немало новых открытий для географов, этнографов, лингвистов и историков. Этот край был завоеван в 1895—1896 гг. войсками афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901) и после распространения ислама среди его населения получил нынешнее название Нуристан — Страна света (имеется в виду свет «истинной религии», которую получили местные жители). Прежде соседние мусульмане именовали жителей этой области «кафиры», (т. е. немусульмане, «неверные»), а саму эту область — Кафиристаном. Единственным европейцем, которому удалось побывать в Кафиристане и исследовать его до афганского завоевания, был англичанин Д. С. Робертсон, врач по образованию, проживший там в 1891—1892 гг. около года. Его книга «Кафиры Гиндукуша» [7] остается единственным источником сведений о доисламской религии, традициях и обычаях местного населения, собранных во времена, когда они еще не подверглись насильственным изменениям. И после афганского завоевания Нуристан в течение долгого времени оставался недоступным для исследователей. Первыми европейскими путешественниками, побывавшими в нем после Робертсона, были наши соотечественники Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, которые в 1924 г. за четыре дня пересекли Центральный Нуристан по долине р. Парун [1, с. 117—139; 3, с. 267].

В дальнейшем в Нуристане побывало несколько экспедиций (немецкие, датские), собравших значительный материал. Однако там осталось еще немало загадок для ученых. Ликвидации некоторых белых пятен, еще недавно остававшихся на карте Восточного Гиндукуша, способствовали советские геологи, с которыми работал А. Л. Грюнберг. Их маршруты охватили такие местности и селения, где до них еще не ступала нога европейского исследователя.

Важный вклад в этнографическое, этнолингвистическое и картографическое изучение Нуристана и соседних с ним районов Восточного Гиндукуша внес и сам А. Л. Грюнберг. Выступив исследователем до него неизвестных и малоизвестных языков населения Памиро-Гиндукушского региона, он собрал одновременно ценный и уникальный этнографический материал о носителях этих языков, изучил их обычаи, материальную культуру, топонимику, составил лингвистическую карту Нуристана [3; 4; 5]. Эта карта, а также схема пройденных А. Л. Грюнбергом по Нуристану маршрутов [3, вклейка между с. 264 и 265], воспроизведенные и в настоящем сборнике, нанесены на топооснове, более надежной по сравнению с предшествовавшими опытами этнолингвистического картографирования Нуристана, причем населенные пункты и гидросеть изображены с большей точностью и в значительной степени откорректированы по собственным наблюдениям А. Л. Грюнберга с использованием сделанных им на месте записей географических названий.

Из собранных А. Л. Грюнбергом этнолингвистических данных наиболее полно пока введены в научный обиход только относящиеся к мунджанцам, поскольку они вошли в опубликованную им книгу о мунджанском языке [5]. Из собранных им материалов о нуристанцах пока издана еще только малая часть [3; 4]. Однако и то, что им уже обнародовано, дает многое исследователям Нуристана.

В настоящем сборнике публикуются извлечения из дневников А. Л. Грюнберга, относящиеся к самому раннему периоду его экспедиционной работы в Афганистане, когда он впервые встретился с нуристанцами в их землях и еще только начинал изучать их языки. Но свежесть впечатлений от первого знакомства с природой и людьми Нуристана и острота восприятия, проявившиеся в публикуемых здесь извлечениях, придают большую живость описаниям природы и записям наблюдений, характеризующим местные особенности, материальную и духовную культуру населения, обычаи и языки нуристанцев. Извлечения сделаны из путевых записей, которые А. Л. Грюнберг вел в сентябре—октябре 1963 г., во время похода в Центральный Нуристан по следующему маршруту: от селения Гусалак вверх по долине р. Пич с заходом в селения Саффригал и Ачану, затем мимо селения Вама до слияния рек Кантива и Парун, образующих р. Пич, далее по долине р. Кантива почти до ее истоков, потом через Мумский перевал в междуречье Кантива и Парун, оттуда через перевал в долину р. Парун и вверх по долине до истоков этой реки, потом вниз по долине до устья р. Чатрас, левого притока р. Парун, далее вверх по р. Чатрас и через одноименный перевал в долину р. Цамгэль до селения Вайгал, а оттуда вниз по р. Вайгал до ее слияния с р. Пич,

шрутная схема)

до автодороги, которая проходит по долине этой реки. Одним из его спутников был геолог С. Л. Шварков (он упоминается в записях иногда под своей фамилией, а иногда только по имени — Степа). Отметим, что в своей статье о Нуристане А. Л. Грюнберг горячо поблагодарил геологов С. Л. Шваркова, а также П. А. Полквого, В. М. Народного, А. В. Трифонова и Г. С. Симкина, с которыми он тогда работал в Нуристане, «за дружескую помощь, искреннее доброжелательство и понимание целей моей работы» [3, с. 270].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА А. Л. ГРЮНБЕРГА. ПУТЕШЕСТВИЕ В НУРИСТАН В 1963 г.

1—3 октября. Наш проводник, бывший малек ¹ Гусалака Абдулматин, оказался человеком энергичным и расторопным. Сравнительно быстро ему удастся набрать недостающих носильщиков и даже достать где-то осла — случай, неслыханный за все время нашей работы ². Мы отправляемся в путь.

Наш первый переход — до устья ущелья Курдар. Здесь мы должны дожидаться двоих наших товарищей, которые выходят из Гусалака вслед за нами, разделить с ними мукú, которую по распоряжению нашего афганского начальника нам смолотили в Гусалаке. Из этой муки два сира мы отдадим им, три оставим себе. Потом они уйдут вверх по Курдару, а мы направимся дальше к верховьям Пича.

Итак, начинается наш многодневный поход в Парун. Из Паруна мы хотим перевалить в Вайгал и спуститься вниз по Вайгалу. Там, в устье Вайгала, нас должна ждать автомашина — так мы договорились с начальником. А пока мы трое — Степа, Малек и я — сидим в устье Курдара. Мы дошли до него немногим больше чем за час и ждем появления остальных.

Наконец весь груз разобран; последнюю вычную суму взваливает на себя повар Исмаил, сдержанный, немногословный и работающий человек. Мы прощаемся и расходимся.

Малек идет вместе с нами, не отставая ни на шаг. По-видимому, ему дана строгая инструкция охранять нас всеми возможными способами. Недаром у него на поясе красуется пистолет в новенькой кобуре, а через плечо висит лента, до отказа набитая патронами. Еще один из членов нашего отряда несет с собой тульскую двустволку. Вообще, советские охотничьи ружья здесь ценятся очень высоко. Много раз нас спрашивали, не можем ли мы как-нибудь достать советское охотничье ружье.

Путь до устья Сафригала оказывается нетрудным. Почти все время вдоль реки идет хорошая, широкая, утоптанная поколениями тропа, и только местами, там, где в долину врезаются скалы, приходится подниматься вверх по камням. Но и это теперь, после двух

¹ М а л е к — деревенский староста.

² Как правило, по горным тропам Нуристана вычные животные не могут пройти и используются редко. Грузы переносят носильщики.

с лишним месяцев ходьбы по руслам горных рек, заваленных огромными глыбами камня, уже не кажется трудным.

Подходим к деревне. . . Дома здесь не такие, как внизу, в долине. Последний этаж каждого из них — что-то вроде веранды, с простенками из резного дерева и деревянными ставнями. Стекол здесь, как и повсюду в окрестностях, нет, и, когда хотят закрыть окно, опускают ставень.

Небольшой подъем, и вот мы уже в доме. Здесь, вероятно, что-то вроде постоянного двора. На полу разбросано сено, поверх сена положено несколько паласов. По краям расставлены чарпай — деревянные кровати без стенок, с сеткой из веревок. Эти кровати нам хорошо знакомы: мы много раз спали на них во время похода в Чапа-Дара. Да и в базовом лагере, когда все собираются вместе, раскладушек не хватает, и несколькими приходится спать на чарпаях.

Утром берем первые шлихи. Мыть их трудно: вокруг светлые граниты и, сколько ни старается Джаббар-хан, на дне лотка остается все тот же светлый песок. Спускаемся по долине. Выше устья Сафригала дорога становится хуже. То и дело в долину врезаются огромные скалы, и тогда тропа круто взмывает вверх. Приходится карабкаться по камням, пуская иногда в ход руки.

Пич выглядит сверху очень красиво, изумительно прозрачна голубовато-зеленая вода. В одном месте, где вода поспокойнее, не бурлит и не покрыта белой пеной, я смотрю, как в глубине ходит стая больших рыб. Рыба эта — маринка, знакомая мне еще по Памиру. Никаких рыболовных снастей у нас с собой нет, и поэтому остается только смотреть.

Мы подходим к устью Ачану в самом начале четвертого. Тропа идет между клочками кукурузных полей. Сейчас кукурузу уже убирают, и нам то и дело встречаются люди, несущие за плечами корзины со свежесобранными початками. К нам подходит рябой мужчина с бельмом на глазу и вежливо осведомляется о том, кто мы такие и куда идем. Ему объясняют, и он приглашает нас в Ачану. Это уже настоящий Нуристан. Встретившийся нам мужчина — малек Ачану. По дороге он рассказывает кое-что о своем народе. В Ачану говорят на том же языке, что и в большом селении Вама, в которое нам предстоит по главной долине подняться завтра. Тот же язык и в Сафригале, но там он уже почти вытеснен афганским.

Тропа идет по высокому, левому берегу неширокой речки, вдоль арыка. Внизу кое-где маленькие клочки полей, а больше камни — огромные и маленькие, галька, заросли деревьев. Напротив, на противоположном берегу, поднимаются почти отвесные скалы, отделенные от реки узкой полоской земли, поросшей деревьями, кустарником, среди которого то и дело возвышаются громаднейшие камни, отколовшиеся от скального массива. Тропа идет горизонтально, и постепенно мы все больше приближаемся к берегу реки. Наконец мы у того места, где берет начало арык. Проходим еще немного вверх — и перед нами открывается удивительное по своей красоте и необычности зрелище. Гигантские скальные стены с двух сторон образуют ко-

ридор, по которому с негромким шумом и журчанием течет небольшая речка с хрустальной водой, впадающая возле наших ног в речку Ачану. Это справа от нас. Мы как бы на перекрестке двух исполинских улиц. Угловой «дом» имеет, наверно, метров пятьсот в высоту. Прямо перед нами — ущелье немного пошире.

Поднимаемся еще на некоторое расстояние вверх по главной «улице», и справа от нас, на почти отвесных скалах, освещенных косыми розовыми лучами вечернего солнца, возникает вдали сказочный город. Издалека он кажется неправдоподобно прекрасным и величественным. Потом мы узнаем, что дворцы этого города на самом деле бедные хижины, прилепившиеся к краю скалы, потому что надо экономить каждый клочок земли, пригодной для возделывания, и взобравшиеся наверх, потому что так врагам из соседних долин было труднее устроить набег на селение (рис. 1).

3 октября. Ачану — долина Пича. Несколько местных слов, значение которых удалось узнать у местного малека (его зовут Хазратдин), показывают, что язык здесь явно родственен земиакинско-вайгальскому.

Спускаемся из Ачану в долину Пича. Где-то на полдороге Джаббар-хан, ушедший шагов на тридцать вперед, оборачивается и делает мне какие-то знаки. Я останавливаюсь, роняю молоток и вижу, как на противоположном склоне ущелья, среди кустарника, удирает в гору большое стадо обезьян. Они совсем близко; двое детенышей, не понимая, в чем дело, продолжают лежать на большом камне. Вскоре обезьяны скрываются в кустарниках, и о том, что они там, можно догадываться, только примечая, как раскачиваются кусты и деревца, на которые они забираются.

Немного выше устья Ачану есть мост. После него тропа идет по левому берегу Пича. Проходим по мосту. Мост деревянный, из толстой доски, на искусно выложенных каменных быках. Когда доходишь до середины моста, он начинает раскачиваться, и, если посмотреть вниз, может zakружиться голова.

Возле моста ждем малека. Дальше прекрасная земляная тропа, среди деревьев она похожа на дорожку в парке, затем становится хуже, идет вверх над скалой. Прыгаем с камня на камень, переходим по жердочкам. Джаббар-хан помогает — подает руку.

Издали Вама на склоне освещенной солнцем горы, так же как раньше Ачану, напоминает сказочный замок. Чем ближе подходим к Ваме, тем ее хуже видно: она высоко над долиной, с тропы в поле зрения только скалы и кое-где маленькие клочки засеянной земли. Еще один мост, такой же конструкции, как и мост в устье Ачану. Мы опять переходим на правый берег и начинаем подниматься по тропе в Ваму. Тропа очень крутая, местами приходится карабкаться по почти вертикальной стене. По-видимому, даже для местных жителей, особенно когда они идут с грузом, этот подъем кажется утомительным, так как в двух местах на тропе устроены площадки для отдыха. На сваях, упертых в скалу, покоятся конструкции из грубо обтесанных досок — площадки с барьером-загородкой и скамейкой. Вид с каждой

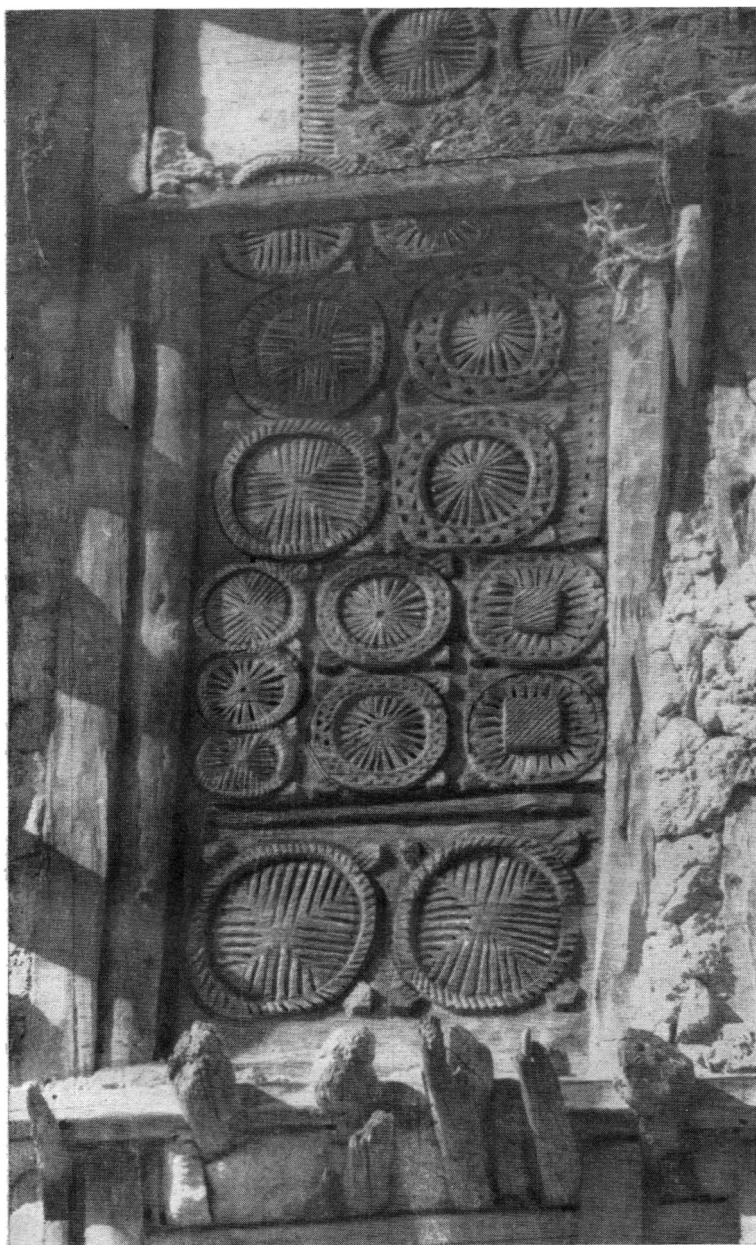

Рис. 1. Деревянная резьба на двери дома (сел. Ачану, Центральный Нуристан). Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

из них открывается прекрасный. Рядом с верхней из них — мазар ³. Это деревянный павильон, богато украшенный деревянной резьбой.

Одежда местных жителей. Мужчины — в широких штанах немного ниже колена, с кинжалами, в полосатых рубашках с засученными рукавами. Женщины — в юбках до колена, вышивка крестами; ведут себя относительно свободно — резкий контраст по сравнению с сафи ⁴. Относительно много светловолосых с голубыми глазами. На голених у всех — мужчин и женщин — намотаны длинные полосы грубошерстной черной материи. Дома́ одним краем прилепились к скале, другим опираются на деревянные колонны-подпорки (рис. 2). Для домов выбраны, кажется, самые неудобные места. В гору вами́нцы идут с длинными, больше человеческого роста, посохами — альпенштоками. На юбках у женщин вышита полоса, а спереди сделан разрез, по-видимому, для того, чтобы юбка не стесняла движений.

4 октября. Вама. Рядом с домом, где мы остановились, — вами́нская мечеть (рис. 3). Вероятно, раньше этот дом выполнял какое-то другое назначение, возможно тоже культовое, во всяком случае, не был только жилым домом. Внутри мы не были, снаружи видна галерея-айван, столбы и карниз украшены деревянной резьбой. Внизу от нас и от мечети — источник, вода из которого течет довольно лениво. Тут же сложенная из камней купальня. Пробуем сфотографировать одного из стариков, он категорически протестует.

Внутренность дома, в котором мы остановились: на стене висят два ружья, в центре помещения — очаг с таганом. Дом топится по-черному (отверстие в крыше). Стоят плетеные стулики. Своеобразный музыкальный инструмент называется «ванз». У него четыре струны. Играют на нем, перебирая струны палочкой снизу вверх и прикасаясь к струнам пальцами.

Принесли виноград, но сами не едят. Существует обычай не есть виноград, грецкие орехи и энаб ⁵ до определенного срока, причем «розговенье» сопровождается определенным ритуалом.

Мы находимся в доме малека Вамы, красивого черноволосого и усатого парня, очень приветливого. Он подвижен и энергичен. В правом ухе — серьга. Говорит, что вверх и вниз из Вамы жители этого селения ходят редко. По его словам, от Вамы до Дуаба — слияния Паруна и Кантivy — расстояние почти такое же, как от Гусалака до Вамы.

На женщинах в Ваме много серебряных украшений, серебряные браслеты. У некоторых белые рукава с вышивкой крестом. Кокетливые, разноцветные кисточки на обмотках, встречаются обмотки и со сплошной бахромой.

5 октября. Встаем необычно рано — еще нет шести. Фотографируемся с вами́нским малеком и его братьями и отправляемся вниз. В восемь часов мы уже внизу. Там задерживаемся на некоторое

³ М а з а р — мавзолей и место погребения, гробница, могила; священное место.

⁴ Имеются в виду женщины соседних с нуристанцами афганцев-сафи, принявших мусульманскую религию задолго до исламизации нуристанцев.

⁵ Энаб, уннаб — (бот.) юмба, зизифус обыкновенный (*Zizyphus*).

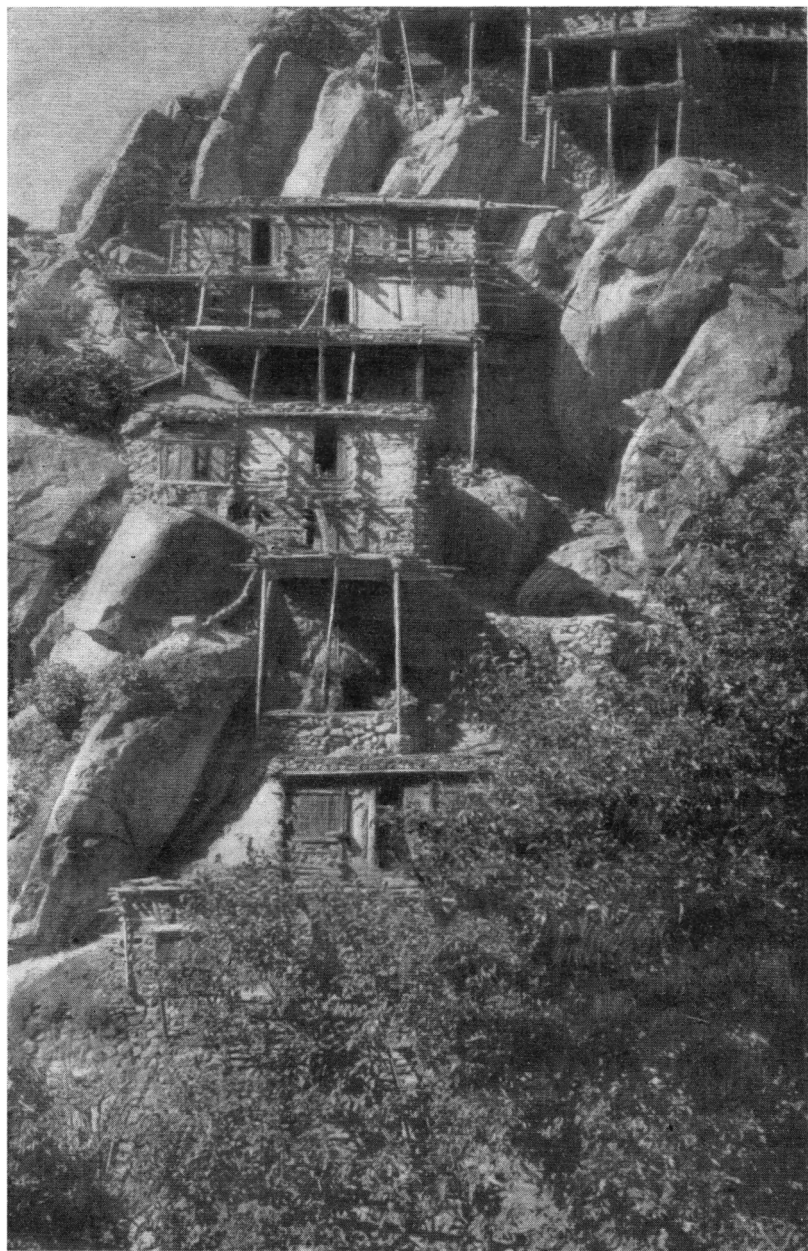

Рис. 2. Дома на скалах. Центральный Нуристан, сел. Вама.
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

время, чтобы сфотографировать переход через мост и чтобы навьючить осла, который начинает доставлять нам много неприятностей: проходить ему по тропе в отдельных местах так трудно, что приходится людям тащить его.

После утомительного перехода ночуем на крыше дома вайгальцев, одного из небольшой группы домов, расположенных у Дуаба, на склоне горы, среди леса.

6 октября. Встаем в половине шестого. Освобождаемся от лишнего груза. С нами идут в Кантиву — солдат, два носильщика, Джаббар. Берем немного провизии: сахар, соль, сухое молоко, рис. В целом груз у нас очень легкий. В восемь выходим. У Дуаба расстаемся.

10.30. Дорога оказалась трудной: овринги, местами отвесные скалы.

14.30. Перешли мостик. Дорога постепенно становится лучше: идет среди дубов и елей, утоптанная земляная тропа. Теснина с каскадами, потом ущелье расширяется. Вода здесь тихая, вдоль берегов — белая галька и валуны. Дальше все чаще встречаются зеленые лужайки. Встретились с двумя девушками, у них обычные здесь корзины конической формы. Кажется, эти девушки занимаются заготовкой дров.

В устье большого ущелья к нам подходит человек и расспрашивает, кто мы и откуда идем. Отсюда видно, как на террасе на правом берегу вручную молотят цепями. Около четырех часов дня мы приходим в Кантиву. Издали она очень похожа на крепость. Малек рассказывает нам про нуристанцев. Они говорят здесь на том же языке, что и жители Камдеша и части верховьев Алингара. Раньше, мол, все жили в Кантиве, а потом расселились. Жители Вайгала и Вамы — это совсем другие племена.

7 октября. Утром уходим: мы с Джаббаром — мыть шлихи, Степа — посмотреть, что делается в обломках. По дороге расспрашиваю Джаббар-хана о местных делах. Выясняется, что Кантива в давней вражде с Пушалем; местные люди боятся якобы, как бы это не отразилось на нас. Солдат говорит, что местное население относится к афганцам-торговцам плохо, но что мы — другое дело, мы ведь не частные лица.

Встреча с крестьянами. Джаббар объясняет им нашу благородную миссию, но они реагируют более чем сдержанно.

На той стороне реки виднеется дом-крепость. Принадлежит это строение генералу Гарзаю, начальнику строительства Джалабадского канала.

Когда приходим с Джаббар-ханом с работы, начинаем заниматься языком. В комнатухе неуютно, холодно. . .

8 октября. Наутро уходим. Прощаемся кисло, без обычного в этих случаях фотографирования. Будем идти до Мума, а там перевалим в долину Паруна дорогой по чудесному хвойному лесу. Наконец Мум. Несколько домиков среди лужков и полей на склоне. Вокруг лесистые горы. Кантива где-то далеко внизу. Здесь нас встречают немного лучше (если не считать того, что в самом начале нас выгоняют с места, где мы расположились отдохнуть, так как рядом работают женщины). Мужчины заняты молотьбой.

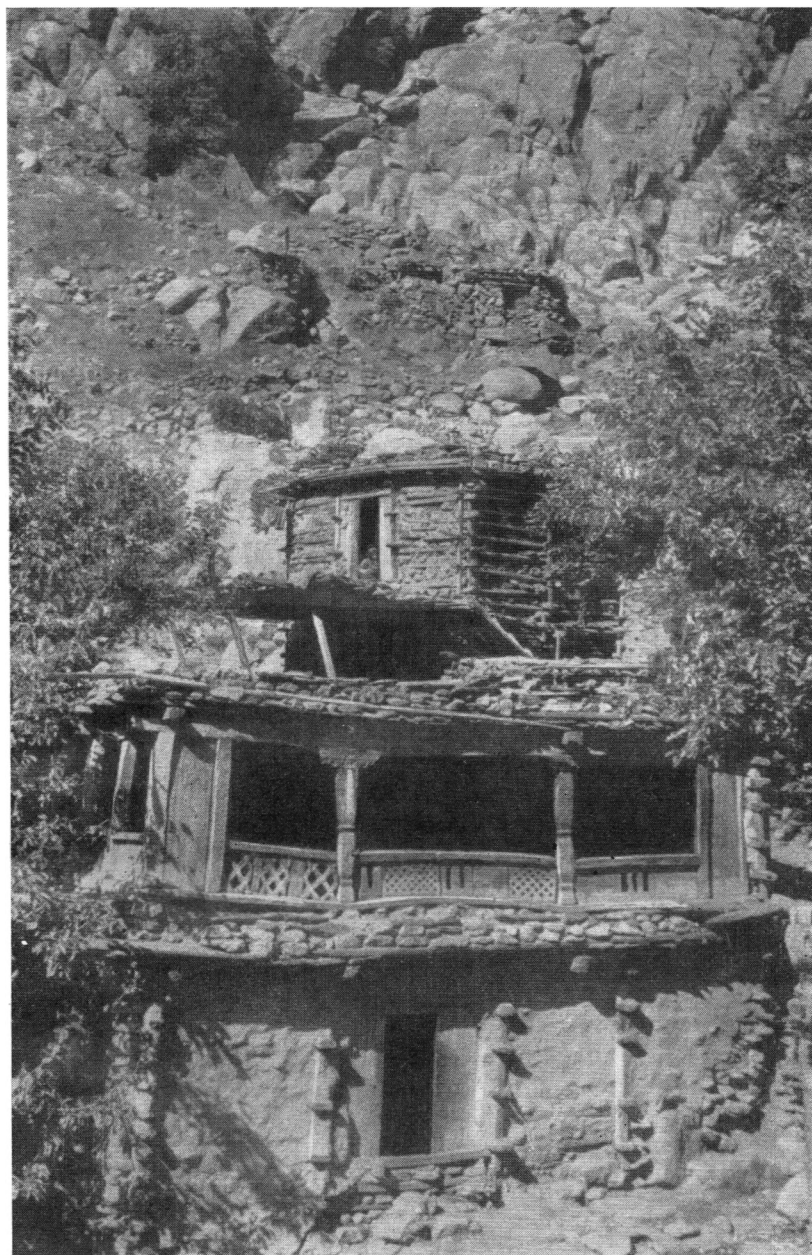

Рис. 3. Мечеть в селе Вама (Центральный Нуристан).
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

Нам ставят чарпай, и мы спим часа полтора под открытым небом. Потом вводят в дом, туда же приносят чарпай. Темнеет. Горит по-черному костер. Дым ест глаза. Длинный вечер. Едим и ложимся спать.

9 октября. Прощаемся с хозяином и на перевал — он отсюда хорошо виден. Доходим до перевала часа за два. Вокруг горы и горы. По пути на перевал встречаем троих людей. Они тоже идут в Парун. Сами они из Камдеша, один из них — духовное лицо. Начинаются душевные разговоры. Они устраивают мне экзамен на ученость. Задают вопросы: как движется солнце, есть ли в «искусственных звездах» (спутниках, которые они видят на небе) человек? Может ли зародыш человека развиваться в искусственных условиях? «А куриный может?» По-видимому, тот, кто пограмотнее, наслушался Кабульского радио.

В свою очередь, я устраиваю им экзамен по арабскому языку. Отстают. На перевале догоняют снова. Тут уже начинаются разговоры о боге, о том, что вся премудрость заключена в Коране. Допускаются только медицина и естественные науки, все прочее — от лукавого. Духовное лицо ругает культ предков-пиров, жертвоприношения и т. п. Ругает Кантиву за неверие. Экзамен продолжается: «Где Китай, какое политическое устройство в Советском Союзе?» Наконец вопрос: «Ты разве не материалист?» Даю уклончивый ответ. Беседа наша длится часа два. Потом камдешцы уходят.

Наш дальнейший путь опять лежит по хвойному лесу. Дорога идет поперек склона. Спускаемся в благодатную долину Паруна: поля, рощи ореховых деревьев. Первые домики, первые люди. Контраст с Кантивой. Очень приветливые и приятные.

Проходим последнее ущелье перед селением Пашки. Поля, засеянные обычным и итальянским просом. На склоне видна деревня с башнями (рис. 4). Вдруг за поворотом видим много людей. Это нас вышли встречать наш начальник, три малека и шейх Лал-Мухаммад, наш давний знакомый (с неделю назад он вернулся из Мунджана, из-за хребта). Трогательная встреча. В селении для нас режут барана. Разговоры, теплые слова.

Рассказывают, в частности, про немца, который два месяца прожил в Пашки, месяц в Цацуме. Он был молод, приехал бритым, уехал с бородой. Это было лет пять-шесть назад. Речь, как выяснилось впоследствии, шла о Будруссе, западногерманском лингвисте, изучавшем язык прасунских кафиров, находясь в составе западногерманской экспедиции ⁶.

10 октября. Часа в три отправляемся вверх, в следующий кишлак — Цацум. Уже начинает темнеть, когда подходим к Цацуму. Наш приход вызывает огромный интерес у местного населения. Мы ни на минуту не остаемся одни. Все время у дверей толпятся какие-то люди, входят, выходят. Даже женщины иногда заглядывают в дверь. Вечером, когда нам очень хочется спать — мы устали, — пашкин-

⁶ Георг Будрусс собирал лингвистические материалы в долине Паруна весной 1956 г. [6, с. 33, примеч. 4].

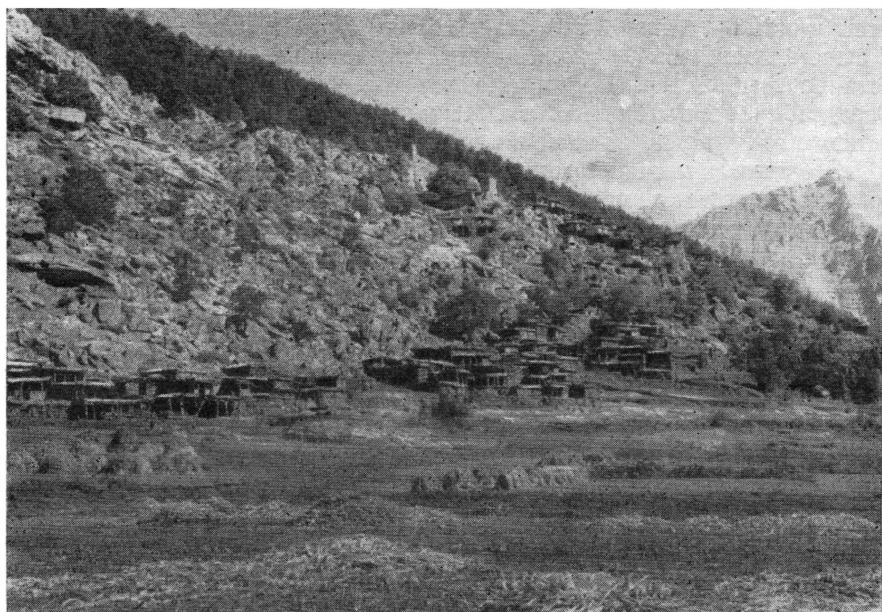

Рис. 4. Селение Пашки (Пашкигром) в Центральном Нуристане (долина Парун).
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

ский малек (появившийся в селении Цацум ко времени нашего прибытия туда) достает бубен, грубо сделанный, неправильной круглой формы, и начинает петь под его аккомпанемент какую-то песню. Мелодия очень проста — все время повторяется одна музыкальная фраза, но поет он хорошо, и постепенно мы начинаем проникаться настроением. Потом он поет еще одну песню под тот же аккомпанемент и, кончив, говорит, что она очень старинная.

Я спрашиваю, нет ли у них своих танцев. «Сколько угодно», — отвечает он. Опять начинает петь, и молодой парень, сидевший до сих пор рядом и подпевавший ему, встает и начинает танцевать. Немного похоже на кавказские танцы вроде лезгинки, но только немного. Наклоняется, ходит на прямых ногах и иногда шипит «с-с-с-с» сквозь зубы. Глаза полузакрыты. Чувствуется, что для него это высшее наслаждение. Ответный танец исполняет солдат-узбек. Народу все прибывает. Потом появляются два парня с дудочками. Песню поют несколько человек, аккомпанемент — дудочки и бубен. Затем лихой групповой танец. Лампы убираем в сторону.

Шейх, вошедший после первого танца, спрашивает, не пора ли кончать. Но нам уже не хочется, чтобы это кончилось. Очень все это необычно и интересно. Красивая песня с подголосками. Еще групповой танец. Потом малек поет песню. Это, как он говорит, старинная легенда. Между Вайгалом и Паруном была война. Парун-

ский князь — у него было очень много коров и овец — отправился с сыном в Чатрас. Он привез оттуда, с летовья, много масла, а сын остался на перевале. И вот приходит весть, что сына убили вайгальцы. Отец собирается отомстить им. Но мать уговаривает его не идти: все равно сына уже не воскресить, зачем же лишняя кровь.

«Это очень длинная легенда», — говорит малек. Степа спрашивает, есть ли у них новые песни. «Есть», — отвечает малек и поет длинную песню, содержания которой мы, конечно, не понимаем, но различаем упоминания таких слов, как «мутар» (автомобиль) и «маадан» (рудник). В одиннадцать часов все расходится.

11 октября. Утром холодная, унылая погода. Иней, на горах снег. Сидим в своей каморке. Записываю парунские слова, при этом присутствуют малек Цацума, малек Киштаки и еще какой-то сероглазый мужик. Потом уединяюсь с Джаббар-ханом, и занимаюсь с ним глангальским. К вечеру разводят огонь. Разговор о Заман-хане, живущем в Иштави, влиятельном человеке, о котором внизу рассказывают чуть ли не как о властителе Паруна.

12 октября. Утром выходим из Цацума. Наш план таков: к двенадцати часам нам предстоит быть в селении Киштаки — туда нас накануне звали в гости, и там должны приготовить какой-то обед. Мы предполагаем пообедать и двинуться в следующее селение — Дева, где мы будем ночевать две ночи.

В Киштаки приходим в половине первого. Дастархан расстелен прямо на земле, неподалеку от селения. По-видимому, здесь традиционное место трапез. Об этом можно судить по огромному количеству высохших обгрызанных костей, валяющихся вокруг. Подают еду: картошку, разваренную до пюре и залитую сверху толстым слоем растопленного масла, и курут⁷, тоже залитый сверху маслом. Нам этого масла хватило бы на неделю, чтобы жарить картошку. Едим, пьем чай, фотографируемся и уходим.

По дороге наблюдаем такую сцену: наш солдат вымогает у какого-то крестьянина его шерстяную куртку. В ответ на наши упреки — «нехорошо, мол» — говорит, что обычай таков, что парунцы обязаны «что-нибудь давать» пришлым (!).

К селению Дева подходим часа в четыре. Так же как и Киштаки, это селение находится на сравнительно ровном, плоском месте, у подножия горы. Встречает нас много народу. Все они одеты одинаково: штаны из грубой дмотканой шерсти, внизу сложенные и перевязанные тесьмой, и такие же куртки. Все это грязно-серого цвета. На головах нечто вроде беретов, такие же, как внизу, у афганцев. Тип лица у местных жителей иной, чем у светловолосых и кареглазых вавинцев и у чернявых, сплошь бородатых кантивайцев. У здешних волосы по преимуществу темные, а глаза голубые или серые. Много носов «картошкой». На ногах нечто вроде лаптей, грубо сшитых из плохо выделанной кожи. Многие босиком. Народ в Паруне, как выразился один из наших афганцев, особенный. Люди простодушные, любопытствующие и, по-видимому, добрые.

⁷ Курут, крут — сушеный сыр в виде шариков.

В нашей комнатке обмазанные глиной стены, потолок; видны большие балки, поперек елочкой уложены брусочки. Низкая дверь. Посредине в крыше — квадратное отверстие вместо дымовой трубы. Когда его нужно закрыть, задвигают сверху плоскими камнями. Деревянная полка. В углу на полу разводят огонь. Треугольный таган. На полу разбросано сено, поверх положена полосатая кошма. Стены и потолок еще не очень закопчены, так как дом построен недавно, но скоро они почернеют и уже навсегда останутся черными, как это мы видели в Муме, Пашки, Цацуме.

Радио вызывает у жителей деревни Дева невероятный интерес. Нас это радует, потому что мы остаемся одни, приемник уносят в комнату напротив.

14 октября. С утра прошли до Парунца, маленькой деревушки на ровном месте, у впадения большого притока. По-парунски приток называется Тпеш, по-кантивайски — Пажул. В деревушке ветхие хибарки.

Степа вернулся очень поздно, в полную темень. Он прошел около 17 километров вверх. Шейх его бросил по дороге — за Степой ему не угнаться — и остался дожидаться его внизу. Степа рассказывает, как в сумерках на какой-то летовке двое, обеспокоенные появлением человека в таком месте, целились в него из луков. Я очень осторожно пытаюсь сделать Степе выговор. Кажется, он и сам понимает, что увлекся.

15 октября. Идем в направлении Иштави — последнего селения в долине прасунских нуристанцев. Подходим к нему часам к трем. На расстоянии селение выглядит очень живописно: над селом возвышается башня, вдали заснеженные горы — водораздельный хребет. Но вблизи — все те же жалкие хибарки.

Вот и дом Заман-хана, но его сейчас нет, он ушел вверх по делам. Сгибаясь, вхожу в низкую дверь. Помещение без окон, с маленьким отверстием в стене. Двери, собственно говоря, тоже нет, есть только проем. На полу разбросана солома, поверх постланы две кошмы. Здесь мы будем спать.

Вечер проходит в слушании приемника. Слушаем, как всегда, не мы. Вокруг собрались афганцы и ловят Кабул, а в дверях все забито парунцами: здесь, как и всюду в Паруне, приемник — большое чудо.

16 октября. Идем к левому притоку брать шлихи.

17 октября. Поход к истокам, до слияния двух речек, образующих Парун.

19 октября. Последний день в Иштави. Приходит Заман-хан. Нуристанцы, по его словам, делятся на четыре группы: парунская, вайгальская, ваминская, камдешско-кантивайско-пушальская. Сохранились старики кафиры, не принявшие мусульманство. У одного из жителей Паруна нашли идола, хотели этого идола разломать, однако владелец не позволил. Тогда прислали солдата и забрали идола. В Паруне до распространения ислама был якобы золотой идол. У вайгальцев прежние религиозные верования отличались от других кафирских. Вайгальцы якобы верили в единого бога, у кото-

рого, как они полагали, было четыре «помощника» — двое мужчин и две женщины.

20 октября. Утром выходим из Иштави. В Деве мы должны остановиться. Часть дороги иду один. Хорошо идти одному. Дорожка ровная, рядом речка, деревья с желтыми листьями, впереди вдали заснеженные горы. Очень красиво: нежно-голубое небо, белые горы и огненно-оранжевые листья.

Прохожу Парунц. Весь караван здесь. Насколько могу понять, разговоры идут о найме новых носильщиков. Наши «штатные» носильщики устроились очень неплохо: сами не несут, а заставляют от деревни до деревни носить парунцев — кажется, бесплатно, в порядке «добровольной» повинности.

До селения Дева идем с Абдулматиним и там ждем Шваркова. Дальше идем вместе с Шварковым. Ночуем в селении Пашки.

21 октября. Дорога идет по живописнейшему ущелью — здесь мы еще не были. Чудесный лес, огромные деревья, скалы, река петляет и шумит внизу. Временами овринги.

В шестом часу приходим в Чатрас. Останавливаемся в пустом доме. Дымно, жарко, громко играет наш приемник.

22 октября. Дорога на перевал. Кажется, что он близко, но на самом деле это совсем не так. Первым на перевал приходит Шварков, потом, минут через десять, мы с шейхом. Постепенно подтягиваются остальные. Виден Вайгал — лесистые горы, скалистые вершины. Фотографирую.

Спуск в лесу. К пяти часам приходим в селение. Беленые дома. Селение большое, состоит из трех частей. По сравнению с Паруном выглядит очень богато. В первых двух домах масса народу. Мы решаем, что это по случаю нашего прихода. Но потом выясняется, что здесь справляют нуристанский осенний праздник. По случаю праздника зарезали четырех быков и двадцать овец.

28 октября. После нескольких дней, проведенных в вайгальских селениях, начинаем стремительный марш вниз по долине Вайгала. Тропа неважная, чтобы не сказать больше. То овринги, то наклонные скользкие плиты над обрывом, то бревнышки над бездной, то отвесные скалы. В низовьях — мост, т. е. бревнышко над кипящей рекой. Переходим по нему в Вант, на левый берег. Последнее собственно вайгальское селение. Ночуем в селении Вант, расположенном несколько в стороне от долины. До этого, во время спуска по долине Вайгала, не видели ни одного селения. Говорят, что селения здесь находятся где-то в боковых ущельях и расположены на большой высоте. К ним ведут трудные тропы вроде той, что была в Ваме или Ачану.

29 октября. Из Ванта проследовали в Манугей, в устье Вайгала. Здесь после отдыха в доме хакима (встречает он нас прекрасно) садимся в машину и отправляемся вниз, через Чагасарай, в Дарай-Нур. Прибываем туда поздно вечером. Сердечная встреча. Весь ноябрь будем в Дарай-Нуре.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов Н. И. и Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
2. Восточная комиссия Географического общества СССР в 1965—1972 гг. — «Страны и народы Востока». Вып. 15. Африка и Азия. М., 1973, с. 5—17.
3. Грюнберг А. Л. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. — «Страны и народы Востока». Вып. 10. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1971, с. 264—287.
4. Грюнберг А. Л. Опыт лингвистической карты Нуристана. — Там же, с. 288—289.
5. Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты. Словарь. Грамматический очерк. Л., 1972.
6. Edelberg L. Some Paruni Myths and Hymns. — «Acta Orientalia ediderunt societates orientales Danica, Norvegica, Svecica». Vol. 34. Havniae, 1972, с. 31—94.
7. Robertson G. S. The Káfirs of the Hindu-Kush. L., 1896.